

ЖЖВЖ

ИЛлюстрированный
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXXVI г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

г. XXXVI

№ 42

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годѣ), съ приложеніемъ 40 книгъ „Сборника“, содерж. соч. М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА и А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1905

Выданъ 22-го октября 1905 г.

Подписная цѣна съ достав. и перес. на $\frac{1}{2}$ года 4 р., на $\frac{1}{4}$ года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій А. К. Шеллера-Михайлова“ книга 44.

Испорченная натура.

Повѣсть

Кн. М. В. Волконской.

(Продолженіе).

Х.

Прошло нѣсколько недѣль; Анютка попрежнему не подавала никакихъ надеждъ на выздоровленіе, но при больничномъ уходѣ, умѣло вставляемыхъ дренажахъ и искусно дѣлаемыхъ перевязкахъ чувствовала себя все же бодрѣе, лучше, чѣмъ въ пріютѣ. Запахъ отъ нея тоже уменьшился въ значительной мѣрѣ, можетъ-быть, благодаря обмыванію ранъ бензиномъ, что заставляло ее всякій разъ, когда она лежала на оперативномъ столѣ, ожидая послѣ воды этого обмыванія, «подбирать», съежиться свое блѣдно-зеленоватое худое тѣло и кричать, и плакать, пока «сестра» съ безстрастно-внимательнымъ лицомъ торопливо, ватнымъ тампономъ, примачивала ее раны, потомъ вставляла выправившую отъ плача гуттаперчевую трубочку. Перезнакомилась Анютка со всѣми въ своей палатѣ, или, вѣрнѣе, съ ней всѣ перезнакомились, и бывшія до нея, и принесенныя послѣ, и вновь приносимыя, но хотя всѣ были другъ къ другу и къ ней ласковы и внимательны, какъ путники, ѣдущіе далеко въ одномъ и томъ же вагонѣ или пароходѣ, хотя многія, говоря съ ней, морщились, какъ отъ собственной боли, узнавая, что у нея, привязаться къ ней никто не привязался, какъ не привязалась и она ни къ кому. Всѣ думали главное о себѣ, о цѣли своего пути—и къ другимъ относились какъ бы мимоходомъ, съ добродушнымъ равнодушіемъ или равнодушнымъ благожеланіемъ.

Лежала Анютка теперь боль-

шею частью недвижно, съ лицомъ и руками, принявшими все болѣе коричневый оттѣнокъ. Глаза ея, темные, широко раскрытые, не мигавшіе, и будто отъ слабости, рѣдко закрывавшіеся, казалось, бездумно

Адольфъ Федоровичъ Марксъ († 22 октября 1904 г.). По этюду Ф. Ленбаха.

и упорно, часто въ одну точку, смотрѣли на все и на всѣхъ.

Стѣны были свѣтлыя, ровно-ровно выкрашенныя, и на нихъ ей не чудилось больше звѣрюшекъ. Не было звѣрюшекъ и фигуръ и на полу. Зато люди въ больницѣ были куда интереснѣе и разнообразнѣе, чѣмъ въ пріютѣ или у Гогольцевыхъ. Были три «сестры милосердія», и всѣ онѣ были разныя. Одна была изъ крестьянъ. Ей было уже за 50 лѣтъ,—не сзади, судя по ея тонкой талии и быстрымъ молодымъ движеніямъ, ей нельзя было дать болѣе тридцати. Она носила очки на большихъ выпуклыхъ глазахъ, мало говорила, и когда говорила,—разсказывала одни факты; какъ такой-то или такая-то изъ больныхъ или умиравшихъ сказали ей то-то или то-то: «Сестрица, мнѣ тяжело». Или: «Сестрица, возвращайтесь скорѣе». Или: «Сестрица, у меня дома-то малъ-мала меньше». Дальше разказы сестры Дарьи не шли, особенно съ чужими. Способности обобщать больничныя или инныя явленія, опѣивать ихъ, подмѣчать основные признаки, отыскивать связь между разрозненными фактами—у нея не существовало. Если кто изъ больныхъ съ ней заговаривалъ въ этомъ смыслѣ, на ея старомъ морщинистомъ лицѣ выражалось испуганное недоумѣніе, брови комично поднимались на лобъ, и въ глазахъ отражалось смѣненіе. «Что вы меня спрашиваете? Чего отъ меня хотите?»—казалось, говорила она всѣмъ существомъ своимъ, и ее становилось жаль. Но дѣло свое сестра Дарья знала, какъ рѣдко кто. Аккуратности была образцовой, и никто лучше ея не умѣлъ дѣлать перевязокъ, безболѣзненнѣе промывать ранъ и вставлять дренажи; никто вѣрнѣе ея не зналъ температуру каждаго больного, съ болѣею заботливостью не слѣдилъ за ходомъ болѣзни и не былъ такъ готовъ въ каждую минуту днемъ и ночью прибѣжать и сдѣлать каждому все необходимое. Въ послѣднюю русско-турецкую войну—эта сестра была оставлена за доктора. Неутомимости и выносливости она была изумительной.

Вторая сестра—сестра Клавдія или сестра Львова, какъ она предпочитала, чтобы ее звали,—была изъ «интеллигенціи». Дочь помѣщика, блестяще кончившая курсъ въ мѣстной гимназіи, живая, бойкая и нервнотумная, она 17-ти лѣтъ вышла замужъ за пріѣхавшаго въ ихъ губернской городъ петербургскаго, вновь назначеннаго чиновника, оказавшагося лѣнтяемъ, кутилой, картежникомъ и пьяницей, и, промаявшись съ нимъ десять лѣтъ, родивъ двухъ несчастныхъ заморышей-дѣтей, умершихъ вскорѣ послѣ рожденія,—ушла отъ него. Единственнымъ желаніемъ этой сестры было: умереть; такъ, по крайней мѣрѣ, она думала, не сознавая, что это страстное желаніе было явнымъ признакомъ ея жизнеспособности. И она часто, съ кривившимися отъ удерживаемыхъ рыданій губами и глазами, наполнявшимися слезами, говорила объ этомъ своемъ желаніи. Въ противоположность сестрѣ Дарьѣ, она умѣла живо, блестяще и остроумно разсказывать о видѣнномъ и слышанномъ (а видѣла она много), дѣлала оригинальныя, иногда парадоксальныя, иногда полныя глубины выводы и умозаключенія, и все къ чему-то стремилась недостижимому, необъятному. Ей хотѣлось передѣлать весь міръ, облагодѣлательствовать все человѣчество, пойти на какой-нибудь громадный подвигъ, но она скучала дѣйствительностью, возмущалась многимъ и въ людяхъ, и въ наукѣ, и въ жизни, и въ законахъ, и, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, высказывала свое мнѣніе.

— Этакіе подлещи,—говорила она,—напримѣръ, перевязывая Анютку или ей подобныхъ.—Этакихъ дѣтей плодить!.. Сибирь имъ, каторги мало! Да что каторга! Ихъ лишать возможности надо имѣть потомство! А то: «негуманно, нельзя!» «Права не имѣемъ!..» А они имѣютъ право вотъ такихъ страдальцевъ въ міръ пускать?.. А еще наши прокаженные!..—переходила она вдругъ неожиданно на свою излюбленную тему.—

Была я у нихъ... Жила съ ними. Посмотрѣла: отдѣлены, чтобы другихъ не заражали! А въ Петербургъ ѣздить, по магазинамъ ходить, вещи покупаютъ!.. Это честно, гуманно, хорошо? А еще дѣти у нихъ! Вѣдь у нихъ дѣти рождаются... Можете себѣ представить?! Не дѣти... Заживо гниющие и другихъ заражающіе мученики! Не разсказать всего. Поживутъ нѣскольکو мѣсяцевъ, иногда до семи лѣтъ дотянутъ, и умираютъ, и какъ умираютъ, въ какихъ страданіяхъ!.. Это гуманно, это смѣетъ разрѣшать общество?.. Это не преступленіе? Ну, ужъ извините; я считаю это болѣе большимъ преступленіемъ передъ этими несчастными, чѣмъ если бы ихъ голубчиковъ-отцовъ лишать удовольствія множиться... Подлое фарисейство и наука ваша, и законы!.. Говорятъ, проказа бываетъ двоякая: и въ крови, и нервная; та не заразна... А это доказано?.. Какая нервная-то, доказано? Вотъ какъ тоже туберкулы не доказаны, откуда они!.. Не доказаны!..—повторяла сестра съ удареніемъ, и по впечатлительному и выразительному лицу ея пробѣгала судорога.

Анютка глядѣла на нее своими темными, точно налитыми чернильной влагой глазами и силилась понять, кого она бранить, кто виноватъ въ ея, Анюткиной, болѣзни.

Третья сестра,—сестра Людмила, принадлежала къ разряду тѣхъ, которыхъ кто-то остроумно прозвалъ «сестрами жестокосердія», и которая родомъ и воспитаніемъ своимъ принадлежать къ сословію лицъ, гордящихся, что ихъ дяденька былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ или камеръ-лакей, или маменька генеральша или статская совѣтница, или камеръ-юнгфера у такой или иной высокопоставленной особы (это безразлично). Сестру Людмилу больные не любили и боялись, но начальство, по какому-то непонятному капризу или недоразумѣнію, не удаляло, а даже скорѣе цѣнило ее.

Кромѣ сестеръ, Анюткѣ были интересны почти всѣ больныя. У окна, откуда видны ей были постепенно видоизмѣнявшіяся въ окраскѣ и оголявшіяся верхушки деревьевъ, собственно березъ, переходившихъ изъ свинцово-зеленаго тона въ золотисто-желтый,—у окна лежала миловидная женщина лѣтъ тридцати. Ея свѣтлыя, густые волнистыя волосы, вившіеся на лбу и вискахъ, мягкимъ сіяніемъ отгѣняли блѣдное лицо, съ тонкими линиями лба, носа и губъ. Женщина эта была гдѣ-то учительницей. Она много читала, писала и получала писемъ, но съ сосѣдями, людьми необразованными, держалась молчаливо и даже слегка, можетъ-быть неумышленно, надменно. Къ ней приходили подруги, родственники и знакомые, все «господа». По вечерамъ, если все было спокойно, къ ней приходилъ иногда бесѣдовать и одинъ изъ больничныхъ докторовъ. Черезъ пустую отъ нея койку или кровать лежала Зина Ловкевичъ, маленькая кривобокая дѣвушка 18 лѣтъ, съ яркимъ цвѣтомъ лица. Эта дѣвушка первая заговорила съ Анюткой, и, узнавъ, что у нея, разсказала, что у нея было то же, «только еще хуже: 14 ранъ. Она пять лѣтъ пролежала въ специальной дѣтской больницѣ, и вотъ теперь здѣсь, потому что выросла и совсѣмъ было-выздоровѣла, да вотъ съ ногой опять что-то сдѣлалось».

— И вы вѣрно выздоровѣете,—хриплымъ голоскомъ, манерно, по-птичь, вертя головой, и улыбкой открывая дурные зубы, сказала дѣвушка и, опираясь на костыль, отошла къ своей кровати.

На столикѣ возлѣ этой кровати, а иногда и на самой постели, на одѣялѣ или подушкѣ лежалъ обломанный, нечистоплотный гребень, и стояло небольшое, рыночной работы, зеркальце. Въ это зеркальце дѣвушка постоянно смотрѣлась, проводя языкомъ по губамъ, причесываясь, прихорашиваясь, завивала колечки на лбу и все время что-то неслышно приговаривала, кивая и улыбаясь самой себѣ, т. е. своему отраженію въ зеркалѣ. Ея конькомъ было,—что всѣ на нее смотрятъ, особенно мужчины, и стоило кому-нибудь придти въ палату, чтобы дѣвушка разсказывала потомъ, «какъ онъ, проходя мимо нея,

такъ взглянулъ на нее, что она вся покраснѣла». Къ ней ходили двѣ бѣдныя родственницы и изрѣдка прѣзжала очень важная пожилая дама, прѣздъ которой интересовалъ и вмѣстѣ пугалъ, волновалъ и радовалъ все большое начальство.

Дама эта, разговаривая вообще, часто посмѣивалась добродушнымъ смѣхомъ, а рассказывая о Ловкевичъ, увѣряла, что раньше, когда кривобокая Зиночка была безнадежно больна, у нея лицо было куда интереснѣе, чѣмъ теперь... «Она любила читать божественное, молилась, и въ глазахъ у нея было что-то неземное!.. Теперь стала выздоравливать, и глаза стали слишкомъ, слишкомъ земными!»—смѣялась дама, но все же прѣзжала къ Ловкевичъ, привозила ей дорогіе фрукты и цвѣты и всегда разговаривала и съ другими въ палатѣ; и на тѣхъ, съ кѣмъ она разговаривала, начальство начинало тотчасъ же обращать особое вниманіе.

Ловкевичъ рассказывала, что дама такъ любитъ ее, что хочетъ «усыновить», хотя у нея, Зины, есть и мать, и отецъ (судившійся за казенную растрату, и о которомъ она молила даму, чтобы та помогла ему).

Разъ къ Ловкевичъ прѣхалъ генералъ и военный докторъ, лѣчившій ее въ дѣтской больницѣ, и, разговорившись съ сестрой Львовой, которую онъ раньше зналъ, сказалъ, что самъ удивляется выздоровленію своей бывшей пациентки, но на ея слова, что онъ просто благодѣтель дѣвушки, отвѣчалъ со вздохомъ:

— Ахъ, правда не знаю, благодѣтель ли я или злодѣй!.. Да!.. Вѣрите злодѣй. Ну, что за жизнь будетъ ея?.. А навѣрное «жить» захочетъ и еще другимъ, пожалуй, будетъ жизнь давать...

Докторъ опять вздохнулъ, опустивъ на грудь лицо, и, уходя, рассказывалъ сестрѣ, что онъ убѣдился изъ многолѣтней практики и даже написалъ ученый трудъ (да развѣ его примутъ во вниманіе, станутъ читать!), что ничто такъ не вліяетъ на развитіе пороковъ, какъ испорченная кровь.

— Если здороваго человѣка можно еще убѣдить въ пользѣ, необходимости воздержанія,—то человѣка золотушнаго, чахоточнаго, прокаженнаго, алкоголика и пр., никогда не убѣдите,—грустно качая головой, говорилъ докторъ.

— А какъ же наука, доктора?—спросила сестра.

— Доктора?.. Да что они съ другой планеты?.. Съ другой кровью?.. Развѣ заказано чахоточному или алкоголику, напримѣръ, быть врачомъ?.. Развѣ не ими двигается, направляется наука... Вотъ то-то же!..—отвѣтилъ медикъ.

— Ну, и какъ же тогда?—помолчавъ, спросила сестра.—Вѣдь тогда... это значить всѣмъ погибать, если они же будутъ направлять науку?..

Глаза сестры какъ бы изумленно раскрылись. Боль и точно остановка мысли и испугъ выразились въ нихъ. Докторъ пожалъ плечами.

— Ничего нѣтъ тайнаго, что не сдѣлалось бы явнымъ,—уклончиво выговорилъ онъ, откланиваясь, и добавилъ, уже спускаясь съ внутренней теплой лѣстницы, куда сестра вышла проводить его:

— То, что я говорю теперь, закричатъ потомъ съ крыши! Я оптимистъ... Я вѣрю, что хотя и много крови прольется за каждую истину,—истина восторжествуетъ. Прощайте!—ласково закончилъ онъ, еще разъ кланяясь.

Противъ Ловкевичъ, дальше отъ Анютки, лежала дѣвочка лѣтъ 12—13-ти изъ моднаго магазина. Чистенькая, гладко причесанная, съ густыми, по шею подстриженными, темными волосами, съ прекрасными вдумчивыми глазами, дѣвочка эта страдала ушами и, послѣ сдѣланной ей трепанации, туго поправлялась. Когда ее спрашивали о чемъ-нибудь: откуда она, кто ея родители,—принимая ее по виду за пріютенку,—она садилась въ постели и учтиво отвѣчала, повышая, какъ глухіе, голосъ:

— Я ничего не слышу, бариня или барыня. Я глу-

хая...—и на миловидномъ лицѣ ея скользила грустная, извиняющаяся улыбка.

Рядомъ съ дѣвочкой лежала женщина-кухарка лѣтъ сорока, сваливаясь въ ледникъ съ лѣстницы и страшившая себя «нутро», по ея словамъ. На самомъ дѣлѣ у женщины отъ ушиба сдѣлалась опухоль въ печени...

Разъ въ палату, уже зимой, принесли въ «ящикѣ» растерзанную господской собакой девятилѣтнюю дѣвочку, дочь дворника изъ Лѣснаго. Дѣвочка одна пробѣгала въ мелочную лавочку, посланная матерью, когда ульмскій догъ наскочилъ на нее и разгрызъ, разорвалъ. Господа держали собаку изъ баловства, безъ прока, безъ нужды, поручая ухаживать за ней прислугѣ. Дѣвочкѣ сдѣлали 11 швовъ въ больницѣ, изъ нихъ два на лицѣ, и черезъ мѣсяцъ она вышла оттуда, обезображенная на всю жизнь.

Въ другой разъ привезли опять къ Анюткѣ въ палату еще дѣвочку съ отмороженными пальцами на ногахъ. Дѣвочку эту звали Надей. Она была изъ «воспитонокъ» и отморозила себя ноги потому, что, спасаясь отъ побоевъ женщины, которой была отдана въ «дочери», убѣжала въ лѣсъ, гдѣ и провела ночь. Эту дѣвочку привезли въ Петербургъ нашедшіе ее мужики. Ей ампутировали пальцы на обѣихъ ногахъ и надѣялись, что она выздоровѣетъ, но у ребенка сдѣлалась гангрена, и черезъ пять недѣль послѣ ампутаціи она умерла.

За эти пять недѣль къ ней особенно привязалась сестра Дарья, а сестра Львова, часто, перевязывая ее, громко отцовъ, бросающихъ своихъ дѣтей, и страстно проповѣдывала доктору и всѣмъ, что надо бы мальчи-ковъ, всѣхъ мальчи-ковъ извѣстнаго возраста и юношей водить по больницамъ, по всѣмъ больницамъ,—и этой, и Калининской, и другимъ—и показывать имъ: «вотъ, что дѣлается вами, вотъ послѣдствія вашихъ увлеченій, вотъ страдальцы, которыхъ вы же посылаете на мученіе!»

— Вѣрите,—говорила, волнуясь, сестра:—если бы они въ тѣ годы, когда душа жива, когда ярки и сильны впечатлѣнія, жалость, состраданіе, если бы они тогда видѣли вотъ этихъ всѣхъ, меньше гадости было бы на землѣ. Вотъ о чемъ матерямъ надо думать, теперешнимъ матерямъ, вотъ ихъ прямая обязанность, вотъ ихъ священная миссія, а не та, чтобы отдавать чистаго мальчика въ любую гимназію или любое училище и съ тоской ожидать, что черезъ мѣсяцъ, а то и раньше, онъ узнаетъ все, но какъ?.. Съ легкой, подлой, циничной стороны и потому будетъ съ пѣсенкой «тру-ла-ла» продолжать дѣла своихъ отцовъ, дядей, братьевъ и пр., губя и себя, и свое потомство, и другихъ.

Анютка на видъ бездумно слѣдила и наблюдала за всѣмъ и за всѣми, слушала все и всѣхъ, и снова та жизнь, которую она узнала у Гогольцевыхъ, охватывала ее, будила въ ней глухіе порывы ненависти и глубокія думы, только теперь она находилась въ положеніи актера, котораго столкнули бы со сцены, не давъ ему кончить роли, и велѣли бы смотрѣть на продолженіе дѣйствія другими. Къ больничному режиму, къ приносу новыхъ больныхъ, во всѣ часы дня и ночи, къ голосу булочника, ходившаго по коридорамъ съ большой и глубокой корзиной черезъ плечо и протяжно взывавшаго: «бу-у-лки! бу-у-лки! булки-и!»—Анютка давно привыкла, какъ привыкла ставить градусникъ два раза въ день, глядѣть на сестру, безшумно на подносикѣ разносящую эти градусники по больнымъ, потомъ собирающую ихъ и ставящую перомъ какія-то кривыя черточки на разграфлен-ныхъ листахъ, висящихъ у изголовья каждой кровати...

Душа же ея просыпалась все къ новымъ впечатлѣніямъ и мыслямъ, и истинно, какъ говоритъ Метерлинкъ: «ее не надо было дважды звать на брачный ширъ».

XI.

Разъ, вечеромъ, уже послѣ Новаго года, къ учительницѣ съ тонкими линиями лица пришелъ по обыкновенію докторъ. Утромъ еще онъ отнял у нея книгу,—

Серенада. Картина М. А. Берноса. (Выставка картин Товарищества Художниковъ). Арт. «Нива».

Здесь бой кипит. Картина М. Малышева (XIII выставка СХБ. Общества Художников), авт. «Нивы»

Такъ какъ она, полу-смѣясь, полу-серьезно, объявила, что плохо спала ночь, все бредила о какой-то свѣтлой тѣни или темномъ свѣтѣ, о «свѣто-тѣни», какъ она говорила, и о здоровомъ мѣстѣ на ея ногѣ, и о больномъ, т. е. гдѣ была рана, и о границѣ, гдѣ сливалось здоровое тѣло съ больнымъ.

— И знаете... — говорила учительница, волнуясь и вмѣстѣ посмѣиваясь. — Знаете, я во снѣ просто съ ума сходила: боль и не боль; безболѣзненное тѣло и больная рана. Ихъ граница: безболѣзненная рана и больное тѣло. Больная плоть... святая плоть... здоровая болѣзнь, — больное здоровье. Болѣть или не болѣть все одно, потому что все сливается. Все — жизнь и смерть. Имѣть здоровыя ноги, ходить или сидѣть, оттого, что на колѣнѣхъ рана, все одно... Но знаете, я во снѣ думаю: да, это такъ... а всѣмъ существомъ чувствую: вздоръ, вздоръ. Совсѣмъ не такъ. Не хочу болѣть. Не хочу умирать, не хочу сидѣть безъ ногъ.

Она говорила лихорадочно, возбужденно и взволнованно. Щеки ея покрыты красивый румянецъ. Глаза блестящи.

— Зачѣмъ вы читаете такія книги! — сказалъ укоризненно докторъ и, тихо взявъ отъ нея книгу, велѣлъ сестрѣ дать ей успокоительныхъ капель.

Анютка все слышала и ничего не понимала; какъ здоровая рана? Но она видѣла, что докторъ подыалъ къ своимъ молодымъ, но близорукимъ глазамъ толстую книгу большого формата, въ песочной истрепанной обложкѣ и сталъ перелистывать ее, и всѣ мысли дѣвочки сосредоточились на этой книгѣ, на странномъ бѣломъ пятнѣ-рисункѣ посрединѣ, и мысли ея перепутывались съ разными воспоминаніями изъ ея личной жизни.

Она видѣла пріютскій дортуаръ ночью и наступающую въ немъ тьму, но мѣрѣ отдаленія отъ стѣнной лампы съ рефлекторомъ (на который глазамъ было больно смотрѣть), видѣла раны на ногахъ и фигурку молившейся Шаровой въ короткой, открытой на шеѣ и рукахъ рубашкѣ, и слышала слова Шаровой:

«Данилова, а вѣдь ты помрешь...»

Вечеромъ, когда снова пришелъ докторъ къ больной учительницѣ, Анютка опять невольно стала прислушиваться къ ихъ разговору.

Лежала она какъ разъ противъ дамы, такъ что все слышала, но разговоръ былъ еще мудренѣе, чѣмъ утромъ.

— Ни одинъ семя, — говорилъ докторъ (Анютка думала, что за семя? Семитка, — это деньги, 2 коп., а то еще хлѣбъ такой бываетъ «семякъ», а то еще трешницы или десятки. Деньги тоже. Но что за семя? И мысли ея уходили куда-то). — Ни одинъ семя, — говорилъ докторъ: — не отречется отъ своего Бога, отъ того Духа Творца, всякой видимой и невидимой красоты, которую дано человѣку понимать, чувствовать, угадывать... Есть, были и будутъ еврей-атеисты, но ни одинъ еврей не будетъ теперь язычникомъ, поклонникомъ вотъ того, чему поклоняется авторъ этой книги и, можетъ-быть, многіе не-семиты...

— Вотъ результаты этого поклоненія... — понижая голосъ, добавилъ докторъ, указывая глазами на Зину Ловкевичъ, любовавшуюся собой въ зеркало, и потомъ перевода взглядъ на Анютку: — и за поклоненіе этому богу отцомъ или дѣдомъ, а можетъ-быть, за одно прикосновеніе губами къ невымытому стакану такого поклонника, — вотъ отвѣтки и отвѣткицы...

— Господи, такъ вѣдь не всѣ-жъ такія! — тоже невольно поглядѣвъ на больныхъ дѣвочекъ, выговорила учительница.

— Не всѣ, но множество, — перебилъ ее докторъ. — Читали вы отчеты комиссіи, посланной обривизовать голонды губерніи. Нѣтъ? Прочтите. Оказывается, болѣе 50 процентовъ русскаго населенія заражены вотъ этимъ... а отчего? Оттого, что семитскую добродѣтель, которая ненавидитъ обоготвореніе скотскихъ страстей, эту семитскую религиозную добродѣтель намъ хотѣли привить

наши лучшіе люди и умы, и не смогли. Да мы все же: «дикая маслина, привитая только къ доброй».

Учительница испытующе-внимательно смотрѣла на его покрасѣвшее лицо, на его опущенные подъ очками глаза.

И вдругъ онъ снова заговорилъ:

— Этотъ вашъ авторъ...

— Отчего это *мой* авторъ? — взмолилась учительница. —

Отчего вы все говорите: вашъ, вашъ? Развѣ я его последовательница?.. Ужъ если что, такъ я скорѣе буддистка... Христіанская буддистка... Потому что христіанство такъ схоже съ буддизмомъ...

Докторъ засмѣялся.

— Вотъ то-то и дѣло, — помолчавъ, сказалъ онъ. — И вы — засыхающая вѣточка. Вы не можете спокойно прочесть или услышать какую-нибудь теорію, чтобы не пытаться, не стараться покинуть пріотившій васъ корень и привиться къ другому. Какая сила была бы у рѣчки, если бы она, отъ самаго истока, раздѣлилась на множество ручьевъ, рѣчекъ, водопадиковъ, текущихъ и бѣгущихъ, хотя и по одному наклону, но въ разныхъ направленіяхъ... Ну, скажите, ну что общаго въ жизни воинственнаго, разбивавшаго и побѣждавшаго сосѣднія племена юноши, наслаждавшагося и побѣдами, и властью земной, и многими женщинами, — и жизнью пріемнаго Сына назаретскаго бѣднаго плотника, съ 12 лѣтъ учившаго въ синагогѣ, Которому негдѣ было голову приклонить?.. Ну, подумайте? А между тѣмъ, вы ищете этого смысла, этого «средства». Вы радуетесь, напимѣрь, что есть легенда о матери Будды и чудесномъ зачатіи ея сына, что зовутъ эту мать «Деваки», отъ одного корня съ дѣва.

— Да! Это замѣчательно! — встала учительница.

Докторъ всплеснулъ руками.

— Замѣчательно!.. А развѣ не видна въ этой легендѣ, соблюдая звонкій, красивый стиль и фразеологию вашего автора (больная улыбнулась), развѣ не видна въ этой легендѣ о Деваки вѣчная, «премирная», прекрасная и тоже недодуманная дума человѣческая объ иномъ рожденіи человѣка, не о томъ дѣйствительномъ, плотскомъ, которое, скажу, хоть я и докторъ, поражаетъ ужасомъ, стыдомъ, омерзѣніемъ и отчаяніемъ всякое чистое человѣческое существо, узнающее о немъ впервые, которое, если мы любимъ и уважаемъ нашихъ родителей, составляетъ насъ въ дѣтствѣ или юности переживать цѣлую духовную мѣку, борьбу, трагедію, цѣлый кризисъ сердечный и умственный...

Снова докторъ замолчалъ отъ избытка волненія. Свѣча горѣла на столѣкъ больной. Сестра Львова въ своемъ передникѣ и апостольникѣ безшумно ходила по палатѣ, подходя то къ той, то къ другой занятой кровати.

Газовый рожокъ, спускавшійся съ потолка и ненакрытый колпакомъ, горѣлъ, шевелясь и двигаясь, широкимъ, лимонно-желтымъ съ темнымъ основаніемъ языкомъ, похаживая на лепестокъ тюльпана...

Анютка лежала, почти не двигаясь; иногда впадала въ забытіе, снова просыпалась; иногда все слышала, все видѣла и ничего не понимала, развѣ только то, что докторъ бранитъ учительницу «засохшей вѣткой», а она лежитъ, глядитъ на него и совсѣмъ не похожа на засохшую черную вѣтку или пруть, а такая хорошенькая-хорошенькая...

И вдругъ они снова заговорили.

— Есть вѣчныя истины, — началъ докторъ. — Новорожденнаго младенца не надо учить ѣсть. Это знаніе, это искусство, какъ и искусство глотанія, дано ему самой природой. То же съ богопочитаніемъ. Человѣкъ, живущій съ природой, и въ природѣ, — также при рожденіи получаетъ даръ вѣрить, вѣровать, — даръ, необходимый ему для его духовной жизни и роста; какъ ѣда для физической. Философы, ученые, деисты, атеисты и пр. могутъ питать свой духъ искусственно, черезъ разумъ, не черезъ чувство, но это будетъ только искусственнымъ питаніемъ, и будетъ только поддерживать

душу человѣка, какъ поддерживаютъ иногда искусственныя мѣры физическій его организмъ. Это не будетъ жизнь духа потому, что мы въ нашихъ городскихъ квартирахъ и кабинетахъ не видимъ неба, не видимъ звѣздъ, не видимъ того, что видѣли Авраамъ и Будда въ пустынѣ, въ долинахъ, въ лѣсахъ... Это какъ въ комнатѣ: чѣмъ свѣтлѣе въ ней горятъ лампы, свѣчи, газъ или электричество, тѣмъ кажется темнѣе за окнами: тѣмъ меньше черезъ стекло видны звѣзды, луна и весь Божій миръ. Можно жить *de facto* въ такой комнатѣ, но чтобы увидѣть красоту мірозданія, земли, неба, надо погасить искусственный свѣтъ въ комнатѣ, и тогда черезъ то же стекло—покажутся и звѣзды, и луна, и деревья и пр.

Учительница хотѣла что-то сказать, но онъ перебилъ ее.

— Позвольте, дайте мнѣ докончить...

Анютка снова забылась на нѣсколько минутъ, снова проснулась и снова ничего не поняла, но свѣчу на столѣкѣ переставила, и ее интересовало теперь видѣть на стѣнѣ двойную тѣнь головы полуподнявшейся учительницы. Тѣни эти соприкасались, входили одна въ другую, но не сливались. Одна была темнѣе, другая свѣтлѣе, и свѣтлая составляла будто лицо, а темноватая—закрученные на головѣ волосы, некрасиво выступавшіе далеко отъ головы.

Долго смотрѣла Анютка на эту двигавшуюся тѣнь и вдругъ вспомнила слова доктора о звѣздахъ и свѣтѣ въ комнатѣ, и что ихъ, звѣздъ, не видно, когда въ комнатѣ свѣтло; она покосилась на доктора, и тотчасъ ей представилась вся ночь: темно-бархатный звѣздный покровъ неба, когда она жила маленькой на кладбищѣ, бабушка Орѣхова, нищія, церковь, гдѣ по субботамъ и наканунѣ праздниковъ шла «всеночная», красноватые огоньки восковыхъ свѣчей, паникадилъ и лампадъ,—видныхъ за стеклами стрѣльчатыхъ церковныхъ оконъ съ желѣзными прутьями, звуки пѣнія, точно благоухающаго просфорами, и она сама, закутанная съ головой въ большой дырявый, сношенный ковровый платокъ...

Она перестала слушать то, что говорили дальше учительница съ докторомъ, перестала обращать вниманіе на то, что дѣлалось въ палатѣ. Она вся ушла въ воспоминанія.

Ей показалось даже, что пахнетъ тѣмъ морозно-душистымъ воздухомъ, которымъ пахло тогда, хрусткимъ, бѣлымъ, какъ сахаръ, и синѣющимъ въ тѣни церкви или деревьевъ снѣгомъ, платьемъ Орѣховой и другихъ нищихъ... Ей почудилось, что она на паперти переступаетъ съ ноги на ногу и опять съ ноги на ногу, и такъ долго-долго, чтобы согрѣться, и возлѣ нея стоитъ бабушка Орѣхова въ военномъ пальто. Ей вспомнилось ощущеніе отъ ласки старухи, отъ ея грубой, заскорузлой руки съ зацѣплявшейся кожей, гладившей ее,

Анютку, по головѣ и лицу, вспомнились убѣжденные слова: «потерпи, дѣвонька, потерпи!.. Ужотко будетъ хорошо!.. Господа возьмутъ, въ пріютъ отдадутъ. Аладьями кормить стануть. Фросинья и не видѣла такихъ аладьевъ-то...»

И Анютка увидѣла старое, морщинистое, худое лицо, длинный мясистый носъ, наклоненный къ подбородку, голубые, выпѣвшіе маленькіе глаза... И вдругъ, затерянные гдѣ-то въ ея памяти, такъ что они казались забытыми, слова Орѣховой вспомнились ей: «луна и звѣзды на небѣ, это дырочки,—говорила Орѣхова полупотомъ: — дырочки, продѣланныя ангелами, милая, чтобы черезъ нихъ, т. е. черезъ дырочки, людямъ виденъ былъ неизреченный свѣтъ Божій изъ рая. Это чтобы они, люди то-ись, поглядѣли наверхъ и вспомнили, что надъ ними Богъ, и что у Него свѣтло-свѣтло, хорошо-хорошо...»

И страстно захотѣлось теперь Анюткѣ, лежа въ больницѣ, гдѣ горѣлъ искусственный свѣтъ, увидѣть небо въ дырочкахъ, изъ которыхъ льется райскій свѣтъ на землю и на больницу, но штора была спущена, и чтобы поднять ее, надо было звать сестру.

Анютка застонала. Докторъ на мигъ оглянулся на нее, и потомъ продолжалъ свою бесѣду, снова поворачиваясь къ учительницѣ. А Анютка снова завела глаза и вдругъ такъ же страстно, какъ ей хотѣлось видѣть небо, только нѣтъ, еще сильнѣе, еще страстнѣе,—ей захотѣлось увидѣть эту милую, старую, суетливую Орѣхову, прижаться къ ней, къ ея военному пальто, почувствовать его запахъ, ея ласку.

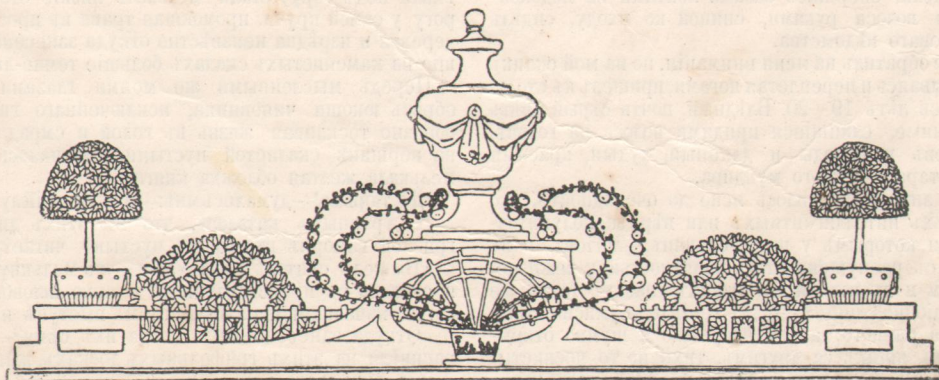
«Гдѣ-то она теперь, гдѣ?!..»—подумала Анютка.

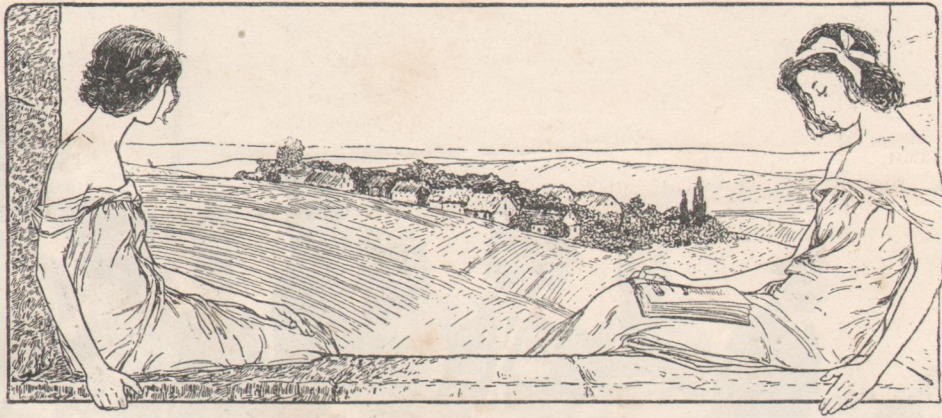
И неожиданно ей вспомнилось солнечное, позднее утро, мальчишки-озорники, Фросинья съ закутанными Гринькой и Манюшкой, другіе нищія у воротъ, гусаръ Авдѣевъ и «бабушка», умолявшая его взять ее, Анютку, съ собой; дрожки, на которыхъ они ѣхали, Раиса Павловна, Саша, кухня, морковка, новое бѣлье и платье, теплая вязаная, красная куртка, первый сладкій чай съ добными маленькими, точно лакированными булочками въ господской столовой; ласки Раисы Павловны въ первые дни и мѣсяцы, когда она, безъ всякой брезгливости, милосердно прижимала ее, Анютку, къ своей теплой, мягкой груди, и Анюткѣ казалось, что она утопаетъ въ какой-то чудной перинѣ...

«Хоть бы пріѣхала!.. Хоть бы пріѣхала!..»—взмолилась она мысленно, и въ слѣдующій же разъ, когда Пелагея пришла въ больницу, Анютка со слезами стала просить, чтобы Раиса Павловна навѣстила ее.

— На минутку, скажите ей, что на минутку!..—повторяла Анютка, раздирая сердце бывшей крѣпостной.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ портрету А. Ф. Маркса.

Вѣтеръ надъ нивой просторной гуляетъ,
Вѣтеръ минувшіе дни вспоминаетъ:
— Много годовъ пронеслось надъ тобою,
Тучная нива, просторная нива!
Тридцать пять лѣтъ полосой золотою
Блещешь подъ солнцемъ ты русскимъ красиво...
Гдѣ же, скажи мнѣ, твой дѣятель—
Честный твой пахарь и сѣятель?

Помню я: шелъ онъ съ богатой кошницей,
Неся къ нему я свободно птицей;
Онъ говорилъ мнѣ: «Неси мои зерна,
Дальше неси, подхвативъ ихъ съ собою—

Въ сельской глуши на Руси, на просторной,
Брось мои зерна на лоно земное!..
Тучу гони къ нимъ дождливую,
Чтобъ пролилася надъ нивою!..»

Мчится надъ нивою вѣтеръ свободный,
Плачетъ и стонетъ въ тоскѣ безысходной!
— Очи знакомыя, свѣтлыя, гдѣ вы?..
Гдѣ ты, знакомый, привѣтливый голосъ?..
Въ тридцать пять лѣтъ поднялися посѣвы,
Гнется къ землѣ переполненный колосъ...
Гдѣ же, о нива, твой дѣятель—
Мощный твой пахарь и сѣятель?..

Г. Аркатовъ.

Доброе старое время.

Старики, какъ извѣстно, любятъ хвалить ту эпоху, въ которой они играли активную роль на томъ или другомъ поприщѣ дѣятельности, и съ большимъ удовольствіемъ противопоставляютъ современности «доброе старое время», когда люди были здоровѣ физически и нравственно, когда царили добрые простые нравы, когда вообще жилось хорошо и беззаботно. Въ молодости мы обыкновенно относимся довольно скептически къ сѣтованіямъ стариковъ, но когда сами достигаемъ преклонныхъ лѣтъ, то невольно воспринимаемъ ихъ точку зрѣнія и въ свою очередь принимаемъ курить иміамъ «доброму старому времени».

Посмотримъ, однако, насколько «добрыя старыя времена» дѣйствительно добры, насколько они заслуживаютъ тѣхъ похвалъ, которыя расточаются по ихъ адресу. «Сильный приростъ населенія» — вотъ одинъ изъ тѣхъ факторовъ современной государственной жизни, который съ одной стороны какъ будто озабочиваетъ правительства старыхъ государствъ Европы, съ другой стороны является въ нѣкоторомъ родѣ предметомъ гордости, — такъ какъ эти государства не безъ тайнаго сознанія своего превосходства поглядываютъ на бѣдную Францію, которая не можетъ похвалиться большимъ числомъ рождений.

Доброе старое время, однако, не имѣло ровно никакихъ основаній похвастать «плодовитостью». Германия, напр., до четырнадцатаго столѣтія была весьма слабо населена, хотя въ то время не было ни крупныхъ городскихъ центровъ, ни фабрикъ, ни заводовъ, ни желѣзныхъ дорогъ, не было острой борьбы за существованіе, словомъ, не было всѣхъ тѣхъ условий, которыя такъ разрушительно дѣйствуютъ на нерв-

ную систему современнаго человѣка; и несмотря на это, смертность въ то время была поразительно велика, люди не имѣли тогда никакого представленія о санитаріи и гигиенѣ, и гибли во множествѣ отъ различныхъ заботъ, съ которыми совершенно не умѣли бороться. Холерныя и чумныя эпидеміи были самымъ обычнымъ явленіемъ; появляясь въ одномъ какомъ-нибудь пунктѣ, онѣ быстро захватывали обширные районы, гдѣ свирѣпствовали съ необычайной силой, уничтожая тысячи и десятки тысячъ человѣческихъ жизней. Смертность была такъ велика, что мертвыхъ не успѣвали хоронить, и трупы по нѣскольку дней валялись на улицѣ, заражая миазмами окружающій воздухъ на большое пространство вокругъ. А теперь, несмотря на весьма оживленныя торговыя сношенія съ Востокомъ вообще и съ Индіей въ частности, Европа почти забыла объ этихъ страшныхъ эпидеміяхъ, которыя по всей справедливости носили названіе «бича Божьяго». Въ настоящее время, если въ томъ или другомъ мѣстѣ обнаруживается «подозрительный случай», то, благодаря своевременно принятымъ цѣлесообразнымъ санитарнымъ мѣрамъ, зараза, случайно занесенная издалека, быстро уничтожается въ самомъ началѣ.

А какъ лѣчились въ доброе старое время? Наиболее употребительнымъ, такъ сказать, универсальнымъ средствомъ, полагавшимся отъ всѣхъ болѣзней, было кровопусканіе, практиковавшееся повсемѣстно въ Европѣ до первой половины прошлаго столѣтія. При пораненіяхъ всякаго рода лучшимъ перевязочнымъ матеріаломъ считалась паутина, въ цѣлительную силу которой наши крестьяне, между прочимъ, вѣрятъ и до сихъ поръ. Далѣе, прочно

Юбилейная выставка въ память 50-лѣтія Севастопольской обороны. Видъ зданія выставки въ саду Народнаго дома Императора Николая II, въ С.-Петербургѣ. По фот. авт. «Нивы».

Герои Севастопольской обороны—офицеры и нижние чины в исторических костюмахъ.

держалось убеждение, что в послеродовомъ периодѣ самыми опасными врагами роженицъ являются... чистота и свѣжая вода; вотъ почему родильная горячка, встречающаяся теперь, какъ исключеніе, была самымъ обычнымъ явленіемъ въ сравнительно недавнее время. Въдъ только въ 1860 году талантливый, къ сожалѣнію, очень рано похищенный смертью, д-ръ Земмельвейсъ впервые высказалъ мнѣніе, что родильная горячка принадлежитъ

къ числу инфекціонныхъ болѣзней. Въ то время, однако, извѣстнѣйшіе медицинскіе авторитеты, между прочимъ, и самъ Вирховъ, только начинавшій еще пріобрѣтать имя, съ обиднымъ пренебреженіемъ отнеслись къ работамъ молодого врача и осмѣивали его «сумасбродныя идеи». Хотя Земмельвейсъ и окончилъ свои дни въ домѣ для умалишенныхъ, однако справедливость его «сумасбродной идеи» была впоследствии блестяще доказана цѣлымъ рядомъ на-

Герои Севастопольской обороны—офицеры и нижние чины в исторических костюмахъ.

Юбилейная выставка въ память 50-лѣтія Севастопольской обороны въ С.-Петербургѣ. По фот. авт. «Нивы».

блюдений и экспериментов и теперь, конечно, никто уже не оспаривается.

Филиппина Вельзер, супруга австрийского эрцгерцога Фердинанда, о которой современники говорили, что она понимает в медицине больше, чем любой врач из Падуи, написала в свое время руководство для хозяйки, в котором рядом с наставлениями, касающимися гастрономии, привела целый ряд медицинских рецептов и советов. В качестве «легкого» блюда для роженицы автор советует, между прочим, яблочные пироги, приготовленные на салу.

Филиппина Вельзер и ее супруг эрцгерцог Фердинанд страдали желудком. — может быть, вследствие употребления очень «легких» блюд, и для поправки здоровья отправились на воды в Карлсбад. Тут они стали лечиться, но облегчения не получили, что, впрочем, несколько не удивительно, так как супруги следили довольно странно на наш взгляд методу лечения: купаясь вначале по 1 часу в день, они постепенно довели время купания до 6 часов, и при этом выпивали по 20 больших стаканов воды! Надо удивляться только, как при таком лечении они окончательно не разстроили своего здоровья.

Люди в «доброе старое время» были в общем, несомненно, сильнее и выносливее, чем теперь, но это объясняется очень просто: при тех антисанитарных условиях, в которых они жили, выживали только самые крепкие, самые закаленные организмы; все остальные, более слабые и менее приспособленные, а таких, как надо полагать, было не мало, — сменялись с лица земли многочисленными болезнями, болезнетворными начала которых — микробы, бактерии и т. д. — находили прекрасную почву для своего развития в окружающей среде.

Чистоту в доброе старое время признавали очень мало. Каменные или деревянные мостовые — продукт новейшего времени: раньше они попадались в виде исключения в столицах, и то лишь в известном районе, именно на главных улицах. В дождливые дни дамы вовсе не выходили из дому, из опасения застрять в глубокой липкой грязи. Улицы, из которых многие представляли собою складочное место для отбросов всякого рода,

Студенты на войне. — Студент восточного института Н. В. Жижинь, драгоман штаба 3 армии. — Аджютант штаба 3 армии ротмистр Н. Н. Ладакь. — Студент восточного института А. Н. Петровъ, драгоманъ штаба 3 армии, георгиевскій кавалеръ.

В авангардъ 3 Сибирскаго армейскаго корпуса, во время наступления японцевъ. Охотники 22 Восточно-Сибирск. полка стрѣляютъ по неприятельскому посту. По фот. В. Апухтина, авт. «Нивы».

Развлечения нижних чиновъ на войнѣ. Стрѣлокъ Станисъ, бывший артистъ театра «Соловцовъ» въ Киевѣ, декламируетъ малороссійскія стихотворенія. По фот. В. Апухтина, авт. «Нивы».

ночью дѣлались далеко не безопасными, так какъ становились ареной дѣятельности «темныхъ элементовъ» городского населенія, промышленниковъ, разбоємъ чуть ли не на глазахъ властей. Освѣщеніе улицъ въ прежнее время не считалось нужнымъ; первые уличные фонари, въ которыхъ горѣли тусклые масляныя лампы, появились впервые въ 1720 г., въ правленіе регента, тратившаго на свои празднества и увеселенія баснословныя суммы. И Версаль, сказочный дворецъ Версаль, изумлявшій миръ своей необыкновенной роскошью, не имѣлъ ни одного изъ тѣхъ необходимыхъ укромныхъ уголковъ, которые съ большимъ или меньшимъ числомъ соотвѣствующихъ приспособленій встрѣчаются теперь въ каждомъ маломальски благоустроенномъ домѣ.

Магистратъ Мюнхена, города, который никогда особой любовью къ чистотѣ не отличался, получилъ недавно прошеніе, покрытое множествомъ подписей, гдѣ жители, указывая на недостаточность существующихъ въ настоящее время 35 городскихъ общественныхъ бань, требуютъ возведенія еще нѣсколькихъ подобныхъ учреждений въ различныхъ частяхъ города. А въ доброе старое время врядъ ли во всей образованной христіанской Европѣ можно было насчитать тридцать бань! Въ этомъ отношеніи уже несравненно выше стоялъ Востокъ, гдѣ религиозная обрядность съ одной стороны и климатъ — съ другой требовали отъ чловѣка заботы о чистотѣ и чистотѣ своего тѣла. Охваченные религиознымъ пыломъ, но въ общемъ весьма нечистоплотные, крестоносцы только тогда узнали о существованіи такихъ благотворительныхъ учреждений, какъ бани, когда лицомъ къ лицу столкнулись съ культурой «неверныхъ», отъ которыхъ и научились многому. Послѣ крестовыхъ походовъ начали и въ Европѣ появляться то въ томъ, то въ другомъ городѣ общественныя бани, но населеніе встречало ихъ появленіе не совсемъ дружелюбно. Общественное мнѣніе было противъ нихъ: благочестивыя матери семействъ никогда тамъ не появлялись изъ опасенія навлечь на себя нарека-

Развлечения нижних чиновъ на войнѣ. Старшій унтеръ-офицеръ 9 роты 22 Восточно-Сибирскаго Стрѣлковаго полка Рейнгольдъ Бухгольцъ, бывший до призыва атлетомъ въ циркѣ, развлекаетъ атлетическими упражненіями своихъ товарищей-одноротцевъ. Во время войны онъ былъ раненъ: разъ — тяжело девятью пулями, и разъ — тремя пулями. По фот. В. Апухтина, авт. «Нивы».

Проф. М. Курловъ, ректоръ томскаго университета.

Проф. В. А. Фаусекъ, директоръ Высшихъ женскихъ курсовъ въ Петербургѣ.

Проф. кн. А. Г. Гагаринъ, директоръ политехническаго института въ Петербургѣ.

Первые выборные ректоры нашей высшей школы. По фот. авт. «Нивы».

ния со стороны окружающих, так как бани считались учреждением непристойным; бывать в них значило в то время стать в разряд женщин легкаго поведенія, которымъ разрѣшалось все... вплоть до посѣщенія бань включительно.

Гигіеническіе и эстетическіе результаты такого взгляда на чистоплотность не трудно угадать. Кожа загрязненнаго тѣла, въ концѣ концовъ, начинала издавать неприятный запахъ, и чтобы заглушить его, француженки высшаго общества истребляли въ огромномъ количествѣ духи, ароматныя воды, душистыя помады и т. д. Воспользоваться самымъ простымъ и вѣрнымъ средствомъ—водою имъ не приходило въ голову. При блестящемъ дворѣ Людовика XIV кавалеры и дамы появлялись не иначе, какъ въ перчаткахъ, и, какъ утверждаютъ современники, дѣлали это не изъ особой любви къ щегольству, а для того лишь, чтобы прикрыть подчасъ довольно грязныя руки.

Дурные зубы, сыпь на лицѣ и другіе вишіе дефекты были довольно распространены среди представителей high life'а добраго стараго времени.

Цезарь Борджіа, знаменитый бонвиванъ эпохи Ренессанса, считавшійся эlegantнѣйшимъ кавалеромъ аристократическихъ салоновъ, появлялся на балахъ въ неизмѣнной бархатной маскѣ, которую одѣвалъ для того, чтобы скрыть свое обезображенное сыпью и пятнами лицо, а также дурные зубы. Скверные зубы имѣлъ также король-солнце, великолѣпный Людовикъ XIV, чѣмъ и обуславливался дурной запахъ изо рта; кромѣ того, Roi-Soleil имѣлъ обыкновеніе проливать изъ стакана, изъ котораго пилъ. Эту дурную привычку онъ приобрѣлъ по неволѣ, послѣ того какъ придворный хирургъ при операциі извлеченія зуба отломилъ ему кусокъ нижней челюсти.

Жозефина Бонапартъ также не могла похвастать красивыми зубами: супруга маленькаго капрала отлично знала, почему она поджимала губы сердечкомъ, когда улыбалась. Несмотря однако на этотъ дефектъ, съ которымъ въ настоящее время ни одна свѣтская женщина не могла бы примириться, Жозефина считалась общепризнанной красавицей и имѣла массу поклонниковъ.

Ея знаменитый супругъ во время итальянскихъ походовъ заразился чесоткой, отъ которой онъ долго не могъ отдѣлаться. Но, по видимому, эта кожная болѣзнь была довольно распространена въ

обществѣ того времени, и на нее смотрѣли сквозь пальцы: Бонапарта боготворили какъ женщины, такъ и мужчины, и даже злѣйшіе враги его, громившіе его недостатки и не упускавшіе случая уязвить его, никогда не касались этого довольно неприятнаго, если смотрѣть со стороны, дефекта, не придавая ему, очевидно, никакого значенія.

Наши предки были развиты физически куда болѣе насъ,—слышится отовсюду,—а мы, ихъ потомки, явно-де вырождаемся. Наше время такъ и называется эпохой вырожденія. Однако почему же сохранившіеся отъ прежнихъ временъ предметы вооруженія, которые можно видѣть въ музеяхъ: панцири, кольчуги и пр. оказываются и короткими, и узкими для нашего «средняго» солдата? И потомъ, что значить сохраняющіяся по традиціи представленія о «тридцатилѣтней» старой дѣвѣ, сорокалѣтней матронѣ, пятидесятилѣтней старушкѣ? Современныя женщины не признаютъ такого произвольнаго распредѣленія по градамъ. Каждому извѣстно, что наши дамы и въ сорокъ лѣтъ не утрачиваютъ еще способности нравиться, а нѣкоторыя, особенно хорошо сохранившіяся, не складываютъ оружія и въ пятьдесятъ.

Скажемъ еще нѣсколько словъ объ изысканныхъ манерахъ, которыя, какъ говорятъ, составляли отличительный признакъ джентльменовъ добраго стараго времени. Правда, по отношенію къ прекрасному полу галантность съ вишіей стороны, по крайней мѣрѣ, была доведена до крайнихъ предѣловъ: рыцари безъ страха и упрека, какъ, напр., прославленный Ульрихъ фонъ-Лихтенштейнъ, не только воспѣвали своихъ дамъ въ стихахъ и устраивали имъ серенады въ лунныя ночи, но даже, какъ увѣряютъ современники, пили воду, которою онѣ мылись,—подвигъ не маловажный, если принять во вниманіе, что представительницы аристократическаго общества того времени имѣли довольно смутное представленіе о гигиенѣ и чистотѣ. Галантные рыцари, доводившіе обожаніе своихъ дамъ до смѣшнаго, врядъ ли, однако, были бы терпимы въ современномъ обществѣ, такъ какъ имѣли много несалонныхъ привычекъ—напр., бить пальцами.

Въ Европѣ о существованіи вилочекъ узнали лишь въ XII в.; онѣ составляли часть приданаго, которое привезла византийская принцесса, вышедшая замужъ за знатнаго венеціанца.

Проф. П. С. Косовичъ, директоръ лѣснаго института въ Петербургѣ.

Проф. А. Е. Лагоріо, директоръ варшавскаго политехническаго института.

Проф. В. Я. Косяковъ, директоръ института гражданскихъ инженеровъ въ Петербургѣ.

Первые выборные ректоры нашей высшей школы. По фот. авт. «Нивы».

Но на вилки смотрѣли, какъ на предметъ изысканной роскоши, и поэтому онѣ не получили распространѣнія, тѣмъ болѣе, что на нихъ почему-то ополчилось духовенство, строго осуждавшее въ проповѣдяхъ ненужную затѣю. Въ Германіи вилки появились въ 1493 г., когда Бланка Сфорца сдѣлалась супругой Максимилиана I, но такъ же, какъ въ Венеціи, за предѣлами небольшого фешенебельнаго круга, группировавшагося около двора, онѣ признанія не нашли, и только въ 18 столѣтіи вилки постепенно начинаютъ входить въ всеобщее употребленіе.

Любопытны также правила, которыми согласно этикету нужно было руководиться участникамъ званныхъ обѣдовъ. Запрещалось бѣть руками, предписывалось обглоданныя косточки класть рядышкомъ на тарелку, а не бросать ихъ на полъ или швырять въ голову сосѣда, и не ковырять въ носу.

Марія-Терезія, какъ извѣстно, была вынуждена издать строгій приказъ, воспрещавшій офицерамъ сморкаться въ рукава мундира въ то время, когда они сидѣли за столомъ королевы.

Что касается моды, то въ прежнее время она не была ни гигиеничѣе, ни дешевле, ни скромнѣе, чѣмъ теперь. Дамы добраго стараго времени, слѣдуя требованіямъ моды, то перетягивали грудь такимъ образомъ, чтобы она приняла форму плоской доски, то, наоборотъ, обнажали ее съ такой откровенностью, о которой въ настоящее время и представленія не имѣютъ; онѣ носили огромныя тяжелыя прически, имѣвшія самыя замысловатыя формы, напр., форму корабля и проч., ходили въ маленькихъ туфелькахъ, снабженныхъ громадными каблучками, одѣвались въ платья со стальными обручами и т. д.

Когда подъ влияніемъ Бонапарта, желавшаго поддержать только-что народившуюся во Франціи шелковую промышленность, Жозефина отбѣнила декольте и ввела въ моду новыя, такъ-называемыя «закрытыя» платья, придворныя дамы были весьма огорчены и съ большимъ неудовольствіемъ подчинились требованіямъ новой моды.

Это нововведеніе вообще не было популярно въ обществѣ: въ 1803 г. въ «Journal du monde élégant» появилась статья, въ которой авторъ, сѣтуя на новые порядки, откровенно замѣчаетъ, что отбѣна декольте лишаетъ мужчинъ извѣстной доли эстетическихъ наслажденій.

Наше время далеко, конечно, отъ совершенства, но «доброе старое» отстоитъ отъ него еще дальше, и поэтому жалѣть объ его исчезновеніи совсѣмъ не приходится.

„Здѣсь бой кипѣлъ“.

Картина М. Малышева, появившаяся впервые на XIII выставкѣ Спб. Общества Художниковъ, написана подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событій минувшей войны.

«Здѣсь бой кипѣлъ»... Сражались въ огнѣ и дыму тысячи вои-

новъ, падали на землю окровавленные тѣла, ревели и разрывались орудія и снаряды... Теперь же здѣсь все тихо и пусто. Брошенные укрѣпленія занесены снѣгомъ, живые ушли, мертвые погребены... И вѣтъ холодомъ смерти, отчаянія, забвенія отъ этой опустѣвшей арены, гдѣ лилась человѣческая кровь. И невольно думается: «Слава Богу, что миръ, какой бы онъ ни былъ, заключенъ, и эта картина уже не повторится болѣе въ дѣйствительности, по крайней мѣрѣ, въ теченіе ближайшаго времени».

Т. Н. Грановскій. (Портр. на этой стр.)

4 октября исполнилось пятидесятилѣтіе со дня кончины знаменитаго русскаго ученаго 40-хъ годовъ, профессора всеобщей исторіи Тимофея Николаевича Грановскаго.

Кто изъ русской интеллигенціи не знаетъ хотя бы по наслышкѣ объ этомъ замѣчательномъ чловѣкѣ? Свѣтлое имя Т. Н. Грановскаго невольно связывается въ нашемъ представленіи съ эпохой возникновенія у насъ въ широкой публикѣ стремленія къ самообразованію, къ наукѣ. Грановскій, какъ болѣе выдающійся представитель этой полной какого-то особаго научнаго идеализма эпохи, навсегда останется однимъ изъ самыхъ памятныхъ и дорогихъ для нашего общества людей.

Онъ былъ современникомъ и другомъ Станкевича и Герцена. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ истинныхъ гуманистовъ, которые зажигаютъ и поддерживаютъ въ массѣ чловѣчества яркій огонь идеала. Какъ ученый историкъ, сравнительно съ другими учеными Грановскій не отличался какими-либо особыми фундаментальными трудами и изслѣдованіями. Онъ многого, попросту, и не успѣлъ сдѣлать, потому что поздно выступилъ на научное поприще и слишкомъ рано умеръ (всего 42 лѣтъ отъ роду). Но какъ профессоръ, какъ учитель молодежи, а, главное, какъ общественный дѣятель въ качествѣ ученаго популяризатора, Грановскій сдѣлалъ очень многое и оставилъ по себѣ въ наукѣ и жизни крупный, нестирающійся слѣдъ. Онъ пробудилъ въ обществѣ любовь къ наукѣ и сдѣлалъ огромный вкладъ въ его духовное состояніе, а въ московскомъ университетѣ, гдѣ онъ профессорствовалъ, онъ положилъ начало тѣмъ славнымъ традиціямъ, которыми донынѣ славится этотъ университетъ.

Блестящій лекторъ — блестящій, несмотря даже на нѣкоторые недостатки произношенія и тихій голосъ, онъ увлекалъ свою аудиторію мастерскимъ изложеніемъ предмета, художественностью рѣчи и совершенно новыми научными приѣмами. До Грановскаго научное преподаваніе исторіи сводилось къ простому пересказу событій или къ одностороннимъ тусклымъ характеристикамъ отдельныхъ историческихъ личностей. Грановскій же приводилъ въ восторгъ слушателей яркою индивидуальностью своихъ собственныхъ взглядовъ на историческія событія, острымъ критическимъ анализомъ, а, главное, своимъ удивительнымъ умѣньемъ создавать

Т. Н. Грановскій. По поводу 50-лѣтія дня кончины.

Могила князя С. Н. Трубецкаго на кладбищѣ Донскаго монастыря въ Москвѣ. По фот. Горбова, авт. «Нивы».

истинно-художественные образы из ряда тѣхъ или другихъ историческихъ событій. Онъ обладалъ тѣмъ драгоценнымъ даромъ чело-вѣческаго духа, который свойственъ только поэтамъ и художникамъ, и который можно назвать способностью къ художественному синтезу. Самый же драгоценный талантомъ Грановскаго была способность пробуждать такія же качества въ другихъ.

Онъ пробуждалъ въ своихъ слушателяхъ всѣ истинно-научныя дисциплины: критическій анализъ, умѣнье обобщать историческіе факты и способность самостоятельно избирать пути къ ихъ изученію. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поистинѣ заражалъ слушателей своей страстной любовью къ наукѣ и своей благородной идеей о значеніи исторіи, какъ прогрессивнаго движенія къ гуманности. Въ гуманности Грановскій видѣлъ единственную и конечную цѣль науки, и этотъ благородный девизъ вполне оправдываетъ и объясняетъ тотъ яркій ореолъ идеализма, который донинѣ горитъ надъ его именемъ.

Т. Н. Грановскій родился въ Орлѣ, въ 1813 году, и получилъ высшее образование въ петербургскомъ университетѣ. Окончивъ въ немъ курсъ, онъ поступилъ въ 1835 г. на службу въ Морское министерство, но въ 1837 году, чувствуя склонность къ наукѣ, оставилъ чиновническую дѣятельность и, по совѣту нѣкоторыхъ, поддерживавшихъ его, высокопоставленныхъ лицъ, сталъ готовиться къ профессурѣ.

Какъ это ни странно, Грановскій—этотъ блестящій историкъ,—еще на школьной скамьѣ посвящавшій своей досугъ исторіи, окончилъ курсъ по юридическому факультету! Какая это яркая черта

Франціи и рядъ характеристикъ отдѣльныхъ личностей (Гаме-ланъ, Людовикъ Великій и пр.). На лекціи эти собиралось все лучшее московское общество того времени, т.-е. 1843—1851 годовъ, и онѣ пользовались колоссальнымъ успѣхомъ.

Къ сожалѣнію, Грановскій писалъ очень неохотно и поэтому оставилъ послѣ себя очень небольшое литературное наслѣдство. Кромѣ упомянутыхъ лекцій послѣ него остались лишь его магистерская диссертация «О столицѣ вендовъ, Винетѣ», затѣмъ замѣчательное изслѣдованіе объ аббатѣ Сугеріѣ («О происхожденіи государства во Франціи») и рядъ превосходныхъ статей («О родовомъ бытѣ у древнихъ германцевъ», «О судьбахъ Италіи» и пр.). Остались также неизданные конспекты лекцій и записки слушателей Грановскаго. Вотъ и все. Остальное исчезло, какъ исчезаютъ драгоценныя ноты знаменитаго пѣвца, сошедшаго со сцены.

О Грановскомъ, впрочемъ, нельзя сказать, что онъ сошелъ со сцены. Да и все то, что исчезло, въ сущности, остается жить въ той массѣ знаний, методовъ и идей, которыя онъ вложилъ въ своихъ слушателей, а черезъ нихъ во всю нашу науку. Поэтому исчезла лишь оболочка, а суть осталась.

Небольшое наслѣдство Грановскаго объясняется, какъ мы уже говорили, еще и тѣмъ, что онъ слишкомъ рано умеръ. На Грановскомъ еще разъ сказались грустный фатумъ, тяготящій надъ лучшими русскими людьми: почти всѣ они рано умирали, не свершивъ и половины того, что могли бы свершить.

Изъ 50-лѣтію Севастопольской обороны. Его Императорское Высочество Великій Князь Александръ Михайловичъ среди севастопольскихъ ветерановъ. По фот. Мазуръ.

для характеристики нашихъ русскихъ талантливыхъ людей, сплоти и рядомъ не умѣющихъ сразу найти свою настоящую дорогу!

Для подготовки къ профессорскому званію Грановскій отпра-вился за границу и слушалъ лекціи по исторіи у тогдашнихъ нѣмецкихъ знаменитостей: Ранке, Савиньи и Риттера. Вернувшись въ 1839 году въ Москву, онъ занялъ въ московскомъ университетѣ кафедру всеобщей исторіи и съ первыхъ же дней приобрѣлъ огромную популярность среди студентовъ. Популярность его еще болѣе разрослась и сдѣлалась всеобщей, когда Грановскій сталъ читать публичныя лекціи. Онъ прочелъ три серіи такихъ лекцій: курсъ исторіи среднихъ вѣковъ, сравнительную исторію Англій и

Грановскій скончался 4-го октября 1855 года, едва успѣвъ вступи-тить въ свое сорокалѣтіе и находясь въ полномъ расцвѣтѣ своихъ силъ и способностей.

Память о немъ никогда не умретъ въ русскомъ обществѣ. Слишкомъ много принесъ онъ ему въ даръ новыхъ идей и задачъ. Но еще болѣе онъ памятенъ и дорогъ нашей наукѣ. Послѣ Грановскаго кафедра всеобщей исторіи сдѣлалась въ московскомъ университетѣ какимъ-то священнымъ очагомъ, а штудированіе этого предмета—обязательнымъ и главнымъ занятіемъ каждаго студента-филолога. Такъ высоко поднялъ Грановскій русскую науку своимъ талантомъ и своей благородной личностью.

Учрежденіе Государственной Думы.

(Окончаніе).

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Въ томъ числѣ:				Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Въ томъ числѣ:									
	Число выборщиковъ.	отъ полостей.	отъ станицъ.	отъ сѣзда землевладѣльцевъ.		Число выборщиковъ.	отъ сѣзда уполномоченныхъ отъ городовъ.	отъ сѣзда землевладѣльцевъ.	отъ сѣзда городскихъ избирателей.						
12. Область Войска Донскаго.					13. Екатеринославская.					14. Казанская.					
Сальскій	7	1	4	1	1	Екатеринославскій	16	2	3	11	Казанскій	15	11	2	2
Таганрогскій	30	3	1	17	9	Александровскій	19	6	9	4	Козьмодемьянскій	8	6	1	1
Усть-Медвѣдцкій	18	1	13	2	2	Вахутскій	23	2	3	18	Лаишевскій	11	6	4	1
Хоперскій	18	1	12	3	2	Верхнеднѣпровскій	14	2	4	8	Мамашевскій	13	11	1	1
	177	14	79	47	37	Мариупольскій	17	11	2	4	Свияжскій	9	5	2	2
						Новомосковскій	17	5	7	5	Спасскій	11	6	4	1
						Новоградскій	17	5	9	3	Тетюшскій	12	10	1	1
						Славяносербскій	12	1	1	10	Царевококшайскій	9	7	1	1
							135	34	38	63	Цивильскій	10	8	1	1
										Чебоксарскій	10	6	1	3	
										Чистопольскій	20	13	4	3	
										Ядринскій	11	9	1	1	
											139	98	23	13	
										15. Малюжская.					
										Калужскій	8	2	2	4	
										Боровскій	3	1	1	1	
										Жиздринскій	16	6	5	5	
										Козельскій	8	4	3	1	
										Лихвинскій	6	3	2	1	
										Малоярославецкій	2	1	1	1	

